

— Но вѣдь несомнѣнно, что подобныя дѣйствія, рано или поздно, и сами собой вышли бы наружу,—попытался я возразить.

— Сами собой-съ? или говоря другими словами, при помощи скандала-съ? черезъ посредство газетныхъ корреспондентовъ-съ? Покорнѣйше благодарю-съ.

Умница привсталъ и поклонился; за нимъ машинально, тотъ же жестъ повторилъ и Набрюшниковъ.

— Но развѣ непременно необходимъ скандалъ? а келейно?

— Нельзя-съ. Коль скоро обстановка нарушена, и некому, въ законномъ порядкѣ, начальственную неосмотрительность ограничить, другого выхода, кромѣ скандала, нѣтъ-съ. Да въ наше время, признаться, келейностей-то и не признавали. Открыто дѣйствовали, не опасались. Въ сорокъ-седьмомъ году, когда Фроль Терентичъ Балаболкинъ, по неосмотрительности, три четверти города спалилъ, а остальную четверть, по строитивости характера, въ кандалы заковалъ, прислали за нимъ изъ Петербурга фельдъегеря, посадили въ тележку и увезли-съ.

Всѣ взоры на минуту устремились на Балаболкина, который, не подозрѣвая, что о немъ идетъ рѣчь, тяжело сопѣлъ, и въ полудремотѣ бормоталъ: направляй кипку! направляй! направляй! направляй!

Лицо его было блѣдно, какъ бы измученно, и въ то же время выражало совсѣмъ нерезонную непреклонность. Съ перваго взгляда, по этому лицу нельзя было угадать, что именно этотъ человѣкъ въ состояніи предпринять, но ежели скажутъ — всему повѣрить можно. Что касается до меня, то въ свое время, и я слыхалъ рассказы объ этомъ путешествіи на тележкѣ, но, признаюсь, считалъ ихъ баснословіемъ. И вдругъ, Богъ привелъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ самимъ виновникомъ торжества!

А „умница“, между тѣмъ, продолжалъ:

— А какъ вы о губернскихъ правленіяхъ полагаете? Легко было съ ними ладить? Развѣ тѣ они были, что теперь? Развѣ могъ я совѣтникомъ помыкать: извольте, государь мой, подавать въ отставку; вы мнѣ не нравитесь, вы съ дамами обращаться не умѣете? Въ наше время, сударь, у совѣтника-то поясница желѣзная была, голосъ какъ у протодіакона, весь онъ, бывало, пропитанный сводомъ законовъ ходить, и у всѣхъ, на обѣдѣ ли, на вечеринкѣ ли,—вездѣ первый гость. И у преосвященнаго—свой человѣкъ. У меня одинъ такой-то былъ, такъ я каждый день съ нимъ до седьмого пота спорилъ. Я говорю свое, а онъ — свое; иногда—я его, иногда—онъ меня. Непріятно оно, что и говорить!—но съ другой стороны, и тутъ для начальствующаго лица